

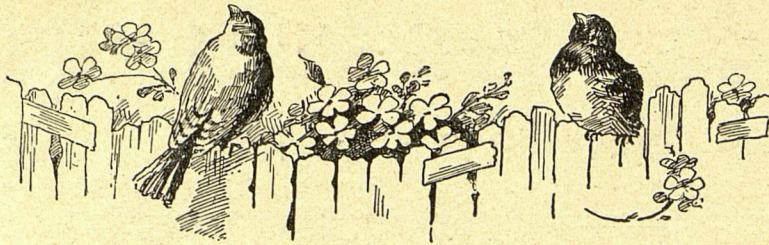
Свѣтлячокъ

1903 г. ◦ годъ II. ◦ № 21.

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

„Сейчасъ поймаю!“

Про Наташу, куклу Мэри и крота *).

IV.

— Ну, что тамъ еще!—возразилъ Женья, но голосъ его звучалъ неувѣренно, — такой здоровякъ!

— Да, но нельзя привязать за шею! — горячо воскликнула Наташа.

— А за что же его тогда привязать?—пробормоталъ Женья, внимательно рассматривая жука.

— И потомъ онъ не будетъ же вѣчно ползать, а когда ему захочется улетѣть, ему не поднять коляски!—замѣтила сестра.

— Это правда!—согласился Женья, — что же бы намъ такое устроить?

* Продолженіе.—См. „Свѣтлячокъ“, № 20-й.

Они стояли на ступенькѣ террасы настолько занятые жукомъ, что не видали, какъ солнце скрылось, на небѣ показались тучки, и Мэри, по обыкновенію вывалившись изъ коляски, лежала носомъ въ песокъ.

— Ахъ, знаешь ли что!—воскликнулъ Женья, сверкнувъ своими черными, большими глазами, — мы вотъ что сдѣлаемъ: мы превратимъ его въ воздушный шаръ.

— Какъ въ воздушный шаръ?—удивилась сестра.

— Очень просто! Такъ какъ онъ любитъ летать, то и пусть летитъ, мы только привяжемъ къ нему что-нибудь похожее на корзинку. И знаешь, что лучше всего?—Тотъ колпачокъ, который я видѣлъ на бабушкиномъ столикѣ, она его еще сняла съ стклянки съ лѣкарствомъ.

— А это не будетъ ему тяжело?

— Ничуть! Онъ и не замѣтитъ. Эти жуки еще не такія тяжести таскаютъ на своихъ плечахъ! Они здоровяки!..

— А какъ ты ему прицѣпишь эту бумажку?

— За нитку. Да вотъ увидишь, отлично будетъ! Сбѣгай-ка къ бабушкѣ и принеси мнѣ нитку и этотъ колпачокъ!.. Да вотъ еще что!—крикнулъ онъ вслѣдъ готовившейся бѣжать

Наташѣ, — нужно бы еще иголку или хоть булавку, что ли!

Наташа скрылась и черезъ три минуты уже стояла передъ братомъ съ бумажнымъ колпакомъ и ниткой.

— Отлично! — похвалилъ братъ, — на-ка, поддержи его!

И онъ протянулъ къ ней жука, но Наташа въ испугѣ отшатнулась.

— Трусишка! — сказалъ Женья, — чего его бояться? Онъ не кусается!

— Но онъ... страшный! — краснѣя, прошептала сестра.

— Ну, а какъ же я буду дѣлать корзину? Подержи его хоть въ бумагѣ, все не такъ страшно! Постои, я заверну!

Женья досталъ изъ кармана курточки клочокъ бумаги, завернулъ жука и подалъ сестрѣ.

Та держала робко, все болѣе и болѣе краснѣя, прислушиваясь къ шороху и царапанью лапокъ въ сверткѣ, готовая при малѣйшей опасности бросить бумагу на песокъ.

Между тѣмъ, Женья взялся усердно мастерить корзину для „своего воздушнаго шара“. Онъ проткнулъ бумажку съ четырехъ сторонъ булавкой, продѣлъ въ дырочки нитку, свелъ

нитку въ одинъ общій конецъ, и корзина была готова.

— Ну, давай сюда жука!—сказаль онъ сестрѣ.

Та охотно поспѣшила отдать ему бумажку.

Женя развернулъ ее, досталь жука и началъ навязывать ему подъ крылья нитку. Жукъ былъ замѣчательно спокоенъ и добродушенъ; онъ укрѣпился на ладони цѣпкими, липкими лапками и даже не дѣлаль попытокъ сопротивляться, а когда Женя, прицѣпивъ корзину, подбросилъ его, думая, что онъ полетить,—жукъ шлепнулся на песокъ, увлекая за собою корзину.

— Ахъ, ты, лѣнтяй!—воскликнулъ Женя,—не хочешь летѣть. Вотъ еще что за новость!

— Еще бы, когда ты ему связаль крылья!—замѣтила Наташа.

— Неправда!—сверкнувъ глазами, воскликнулъ братъ,—крылья его свободны! Видишь, какъ онъ ихъ растопырилъ? Вотъ какъ онъ ихъ расправляетъ! Смотри, сейчасъ полетитъ!

Жукъ неуклюже проползъ нѣкоторое разстояние, таща за собою корзину, взобрался на широкій стебель травы, подумаль немного, поводилъ толстыми усами и вдругъ поднялся!..

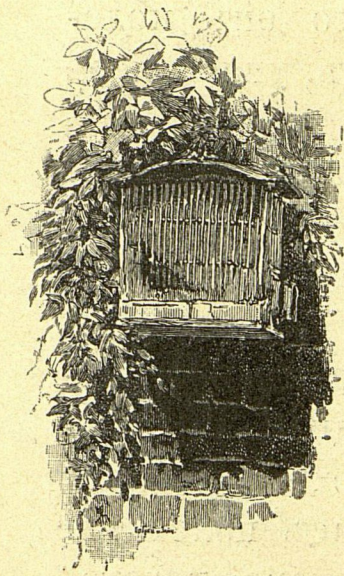
— Смотри, смотри, полетѣль! — радостно крикнулъ Женя.

Растопыривъ крылья, жукъ поднимался на фонѣ голубого неба все выше и выше. Мѣрно колыхаясь, вмѣстѣ съ нимъ поднималась и корзинка.

Наташа захлопала въ ладоши...

Каз. Баранцевичъ.

(До слѣдующей книжки).

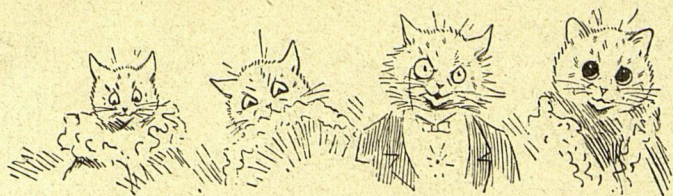
Юйманная птичка.

Вы отняли, люди, свободу мою,
 Чтобъ слушать веселое пѣнье;
 Но если теперь я вамъ пѣснь и пою,
 Въ ней жалобы я и укоры таю,
 И слышится въ ней осужденье...
 Я васъ осуждаю, я жалуюсь всѣмъ,
 Какъ вы поступили жестоко...
 А вы восхищаетесь мной, между тѣмъ,
 Когда я страдаю глубоко.
 Пустите меня на свободу летѣть,

Туда, гдѣ лѣса зеленѣютъ,
 И буду я пѣть, безъ конца буду пѣть,
 Что добрые люди способны жалѣть,
 Сочувствовать горю умѣютъ.

Это мой пріятель!..

Про мышку, птичку и колбаску.

(По сказкѣ бр. Гриммъ).

Жили вмѣстѣ мышка, воробышекъ и колбаска. Воробышекъ изъ лѣсу дрова носилъ, мышка дома хозяйничала, а колбаска обѣдъ стряпала; колбаска была жирная, ей стоило только окунуться въ супъ, и онъ становился жирный. И жили друзья въ согласіи, и все у нихъ шло, какъ по маслу.

Встрѣтилъ однажды воробышекъ другого воробышка. Тотъ и говоритъ:

— Ты за всѣхъ работаешь одинъ, а мышка и колбаска ничего не дѣлаютъ! Помѣняйся съ ними работой.

Воробышекъ прилетѣлъ домой и кричитъ:

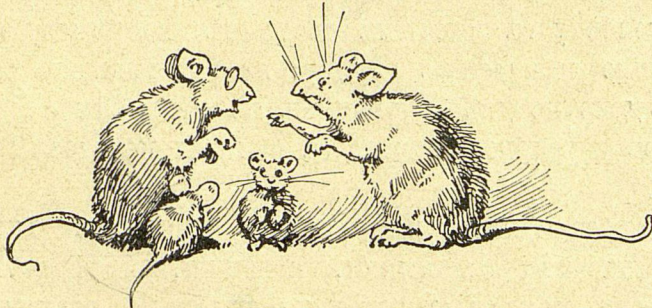
— Давайте работой мѣняться: я буду хозяйничать, мышка—супъ варить, а колбаска—за дровами пойдетъ.

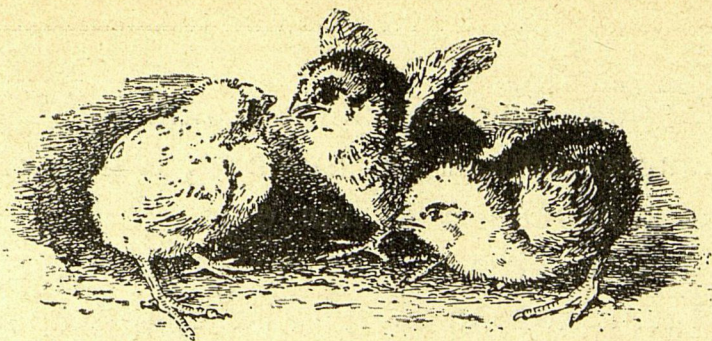
— Хорошо,—согласились они.

Колбаска пошла за дровами, а въ лѣсу ее встрѣтила собака и съѣла ее.

А мышка хотѣла окунуться въ кипятокъ, какъ дѣлала колбаска, и сама сварилась.

Какъ увидаль это воробышекъ, сталь съ горя чахнуть и погибъ. Хорошо жили друзья, пока жили сообща, другъ за друга работали, да каждый при своемъ дѣлѣ былъ. А стали завидовать другъ другу, не за свое дѣло браться,— всѣ и погибли.

Семья Полли *).

РАЗСКАЗЪ.

Вь особенности Полли занимала пара зябликовъ, поселившаяся неподалеку, среди розовыхъ кустовъ. Они постоянно выпархивали оттуда, куда-то улетали и снова возвращались. Это были бойкія и хорошенькія птички. Самецъ имѣлъ сѣро-голубую головку съ чернымъ лобикомъ, коричневую спинку, бѣлое брюшко и красную грудку; на крылышкахъ же у него было проведено по двѣ бѣленькихъ полоски. Самка была менѣе нарядна, въ сѣренькой одеждѣ съ бѣлыми полосками на крылышкахъ.

Зяблики трудились вмѣстѣ надъ постройкой гнѣзда. Они неустанно таскали соломинки, корешки, прутики, кусочки прошлогодняго моха и старательно сплетали, ровняли и прилаживали все это. Въ концѣ-концовъ получилось круглое, какъ шаръ, гнѣздо, какъ бы срѣзанное на верхушкѣ. Стѣнки этого гнѣзда были толсты и крѣпки; снаружи оно было обведено грубыми вѣтками, внутри выстлано шерстью, легкими перыш-

*) Окончаніе.—См. „Свѣтлячокъ“, № 20.

ками и пухомъ, такъ что въ немъ было мягко, тепло и уютно. Вскорѣ на днѣ этого гнѣздышка появились шесть блѣдно-голубыхъ, маленькихъ яичекъ, усеянныхъ бурыми пятнышками.

Съ тѣхъ поръ для самки наступила трудная пора: она должна была согрѣвать яички своимъ тѣломъ. Это было очень скучно—постоянно сидѣть въ гнѣздѣ, но что же дѣлать: всякій имѣетъ свои обязанности; зябликъ-самецъ развлекалъ ее, пѣлъ свои пѣсенки, приносилъ кормъ и садился иногда на ея мѣсто, а она летѣла погулять и развлечься немножко. Черезъ двѣ недѣли у зябликовъ произошло радостное событіе: яички стали одно за другимъ лопаться, и на свѣтъ Божій появилось шестеро крошечныхъ зябликовъ въ сѣреныхъ пушистыхъ костюмчикахъ. Теперь у родителей стало еще больше хлопотъ: всю эту дѣтвору нужно было кормить и притомъ самыми отборными, самыми вкусными червячками; нужно было ихъ охранять, смотрѣть за тѣмъ, чтобы не вывалились изъ гнѣзда. Словомъ, дѣла и заботъ было по-горло.

Хозяйка дома давно уже замѣтила гнѣздо зябликовъ среди розовыхъ кустовъ и, гуляя по саду, часто бросала около куста кормъ, который зяблики подбирали потомъ. Полли видѣла это; она слышала также непрерывный пискъ маленькихъ зябликовъ, и ей очень хотѣлось увидѣть этихъ неутомонныхъ пiskuновъ. Когда хозяйка рѣшила, что Полли привыкла къ новому мѣсту, они стали выпускать ее на волю.

Въ первый разъ, какъ только ее выпустили, она устремилась къ розовымъ кустамъ и съ шумомъ опустилась на заборъ, около котораго росли розовые кусты. Хлопанье крыльевъ и необычайный видъ Полли сильно напугали зябликовъ; родители вспорхнули на ближайшее дерево и стали жалобно пищать, безпокоясь о дѣтяхъ; малыши же съ перепуга тоже отчаянно голосили...

Полли внимательно осмотрѣла все, потомъ вернулась на балконъ, вошла въ свою клѣтку набрала полный ротъ корма

и снова очутилась на заборѣ. Наклонившись надъ гнѣздомъ, она разжала свой клювъ и высыпала кормъ въ гнѣздо... Но малыши были такъ напуганы, что и не прикоснулись къ мякишу бѣлаго хлѣба.

На слѣдующій день, какъ только Полли выпустили, она снова полетѣла къ розовымъ кустамъ. Отъ вчерашняго хлѣба и крошекъ не осталось и слѣда: онъ былъ съѣденъ. Но зяблики продолжали бояться Полли. Въ особенности безпокоились родители, которые думали, что дѣти ихъ теперь погибли; эта страшная птица пугала ихъ. Какъ только появлялась Полли, они отлетали отъ гнѣзда и съ каждымъ разомъ все дальше и дальше, и, наконецъ, улетѣли совсѣмъ оттуда. Но маленькіе зяблики не осиротѣли; они нашли свою защиту въ Полли. Для нея же наступила лучшая счастливая пора ея жизни. Она не была теперь одинока,—у нея оказалось сразу шестеро маленькихъ воспитанниковъ, которыхъ надо было оберегать и кормить. И Полли дѣлала все это съ такой охотою, съ такимъ вниманьемъ и любовью, словно это были ея родныя дѣти. Она проводила теперь цѣлые дни въ розовыхъ кустахъ, вблизи гнѣзда и улетала только затѣмъ, чтобы взять корму изъ своей клѣтки. Постепенно зяблики перестали бояться Полли, охотно ѣли то, что она приносила имъ и даже разѣвали навстрѣчу ей свои большіе желтые рты. Полли сидѣла обыкновенно надъ самымъ гнѣздомъ, весело болтала и свистѣла, словно забавляя и развлекаая малютокъ. У Полли была теперь своя семья, и Полли уже не тосковала.

Но у птенцовъ были враги, за которыми надо было зорко слѣдить. Кошка уже провѣдала про птенцовъ и не разъ пыталась пробраться къ гнѣзду, но ей мѣшали густыя и колючія вѣтви розовыхъ кустовъ, которыя кололи ей лапы. Но однажды она нашла болѣе вѣрный путь къ гнѣзду—по изгороди. И вотъ, въ одно прекрасное утро, кошка направилась къ гнѣзду... Когда она пробралась по забору къ

тому мѣсту, откуда доносился пискъ зябликовъ, и увидѣла гнѣздо, — у нея разгорѣлись глаза: эдакіе откормленные, вкусныя!.. и цѣлыхъ шестеро!.. — изъ-за такой добычи не жалъ было и лапы наколоть... И кошка готовилась, было, уже прыгнуть на малютокъ, какъ вдругъ, въ этотъ же мигъ, надъ нею раздалось громкое хлопанье и шумъ крыльевъ, и Полли съ пронзительнымъ крикомъ, какъ молнія, упала къ ней на спину, вцѣпилась въ нее своими когтями и стала наносить кошкѣ сильные удары клювомъ... Ключья шерсти полетѣли во все стороны, кошка завывала отъ боли, зяблики кричали во всю глотку. Наконецъ, вся израненная, испарашанная кошка свалилась съ забора... Съ тѣхъ поръ она никогда уже больше не осмѣливалась приближаться къ гнѣзду.

Между тѣмъ зяблики подрастали и одинъ за другимъ начинали вылетать изъ гнѣзда, чтобы попрыгать по вѣткамъ или по дорожкамъ сада. Къ Полли они такъ привыкли, что сидели иногда къ ней на спину, и она покорно сносила ихъ шалости. Ее радовало то, что у нея была такая славная семья. День ото дня птички крѣпли и хорошѣли; онѣ вспархивали уже на вѣтви сосѣднихъ деревьевъ и слетали оттуда на землю, чтобы научиться летать. Полли ужасно беспокоилась за нихъ и звала ихъ къ себѣ особеннымъ свистомъ.

Однажды хозяева Полли уѣхали на цѣлую недѣлю изъ имѣнья. Прислуга, чтобы не смотрѣть за птицей, заперла ее въ клѣтку и не стала даже выносить ее на балконъ. Напрасно Полли билась, шумѣла и кричала, — горничная сидѣла постоянно въ людской, домъ былъ пустъ, и Полли никто не слышалъ. Цѣлый день Полли оставалась одна. Она безпокойно металась въ клѣткѣ и рвалась къ своей семьѣ. Кто накормитъ птенцовъ; не подберется ли снова къ нимъ кошка!.. Такъ прошелъ день, другой, третій. Полли все не выпускали на волю. Она то притихала въ тоскѣ, то снова принималась шумѣть и стучать клювомъ о мѣдные прутья своей тюрьмы.

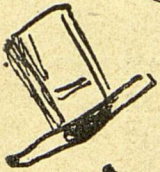
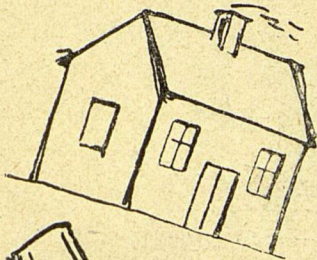
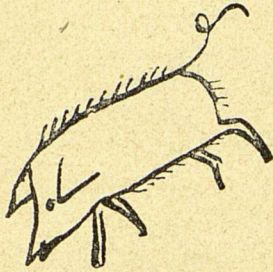
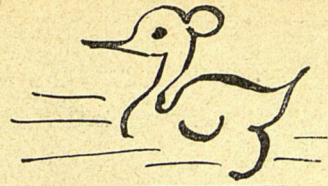
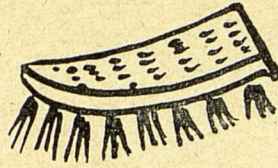
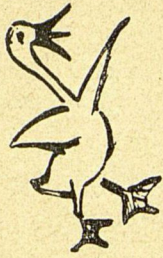
Наконецъ хозяева вернулись домой, и Полли выпустили. Съ радостнымъ крикомъ бросилась она къ знакомымъ розовымъ кустамъ...

Гнѣздо было пусто... Нигдѣ и поблизости не было видно зябликовъ... Напрасно Полли свистѣла, напрасно звала птичекъ, — онѣ улетѣли навсегда съ тѣмъ, чтобы начать самостоятельную жизнь: вѣдь онѣ стали уже большими, а Божій миръ такъ великъ и прекрасенъ, — не вѣчно же имъ летать вокругъ родного гнѣзда...

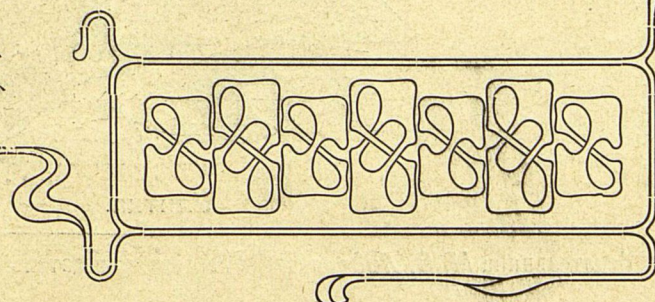
И Полли осталась снова одинокой; некого больше ей стало кормить, не о комъ заботиться, некого ласкать и любить.

В. Поповъ.

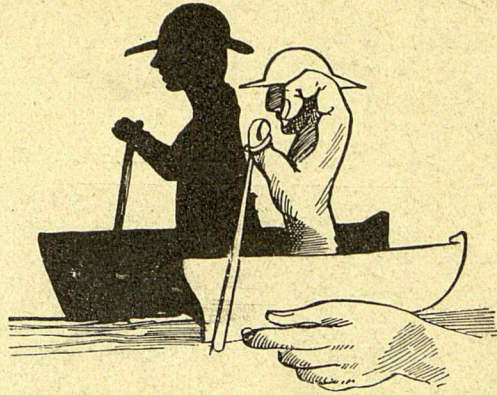

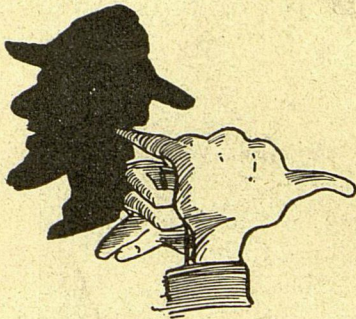
ХУДОЖНИКИ ХОТЬ КУДА!..

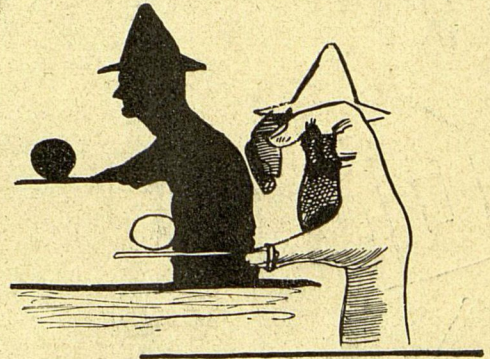
РУЧНЫЯ ТѢНИ.

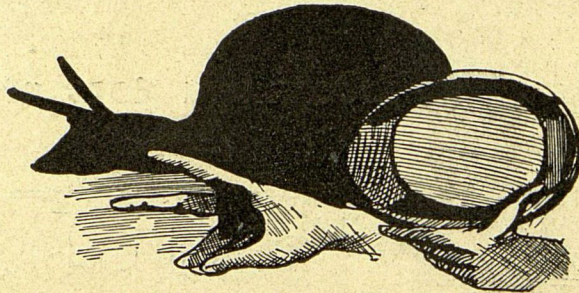
На лодкѣ.

Лѣсникъ.

Клоунъ.

Улитка.

ТЕРПЪЛИВЫЙ.